

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Сборник первый

КАЗАНЬ 1968

П 1

ЗС 2

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ

Сборник первый

КАЗАНЬ

Печатается по постановлению Редакционно-издательского
Совета Казанского государственного педагогического института

Ответственный редактор доктор филологических наук
профессор *Е. Г. БУШКАНЕЦ*.

Редактор *Э. А. Салимова*.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Г. Бушканец. В поисках автора	3
Л. А. Беляева. Д. Д. Минаев-критик	23
Т. Д. Фролова. Некрасов в оценке Плеханова	102
И. Н. Бушканец. Творчество Бичер-Стоу в оценке революционных демократов	127

Сообщения и публикации

В. А. Черных. Стихотворный отклик на «Полярную звезду» в бума- гах Вольной русской типографии	136
К. С. Тунакова. Неизвестные стихотворения Г. А. Мачтета	142

mb
ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
ОЭ 196 *9* акт *2072*

Слано в набор 12/IV-1968 г. Подписано к печати 18/X-1968 г. ПФ 06019.
Формат бумаги 60×90^{1/16}. Печати. листов 9,25. Заказ К-217. Тираж 600 экз. Цена 75 коп.

Типография «Татполиграф» Управления по печати при Совете Министров ТАССР
Казань, ул. Миславского, д. 9.

НЕКРАСОВ В ОЦЕНКЕ ПЛЕХАНОВА

Вопрос об отношении Г. В. Плеханова к поэзии Некрасова освещался рядом исследователей, однако в работах 30-х—40-х и вплоть до конца 50-х годов преимущественное внимание уделялось полемике с плехановскими суждениями о поэте революционной демократии¹. Лишь в работах, появившихся за последнее десятилетие, дается более объективная оценка плехановского взгляда на творчество Некрасова², раскрываются не только ошибки, но и то большое положительное значение, которое имеют статьи Плеханова о Некрасове. Б. И. Бурсов, например, справедливо отмечает: «Многое из того, что говорил Плеханов о Некрасове, не устарело и не потеряло своего значения и в настоящее время»³.

Кроме того, писавшие о плехановских оценках некрасовской поэзии органичивались в основном широко известной статьей Плеханова 1903 года «Н. А. Некрасов» и его воспоминаниями «Похороны Некрасова». До сих пор в некрасоведении не учтены развернутые суждения Плеханова о поэте, содержащиеся в таких его работах, как «Искусство и общественная жизнь», «К психологии рабочего движения», «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского», «История русской общественной мысли» и др., которые расширяют наши представления об отношении Плеханова к Некрасову. Не следует также упускать из виду, что на протяжении всей своей деятельности Плеханов постоянно использовал некрасовские стихи и образы в своих сочинениях.

В данной статье делается попытка обобщить наиболее существенные высказывания Плеханова о поэте революционной демократии.

¹ См., например: А. Еголин. Литературная борьба вокруг Некрасова. В кн.: Некрасов в русской критике. Гослитиздат, М., 1944, стр. 10—16. М. М. Гин, В. Е. Евгеньев-Максимов. Семинарий по Некрасову. Изд. по Ленинградского университета, 1955, стр. 27—28.

² См.: Н. Ф. Бельчиков. Г. В. Плеханов — литературный критик. М., 1956, стр. 36—38. Б. И. Бурсов 1) Литературно-эстетические взгляды Г. В. Плеханова. — В кн.: Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 1, Гослитиздат, М., 1958, стр. XLIX—L; 2) Плеханов. — В кн.: История русской критики. Изд. АН СССР, М. — Л., 1958, т. II, стр. 550—551.

³ История русской критики, т. II, стр. 551.

Первой публичной оценкой поэзии Некрасова Плехановым нужно признать его речь, произнесенную в день похорон поэта по поручению общества «Земля и воля». Окруженный молодежью, готовой в случае необходимости применить оружие, Плеханов демонстративно, без всякой оглядки на полицию, выразил взгляд революционных народников на творчество своего любимого поэта. Вернувшись с похорон, Плеханов записал свою речь, но текст ее до нас не дошел. Однако о содержании речи мы можем судить по его статье «Похороны Некрасова», написанной в конце 1917 года, к сорокалетней годовщине со дня смерти поэта. В этой замечательной статье Плеханов рассказал о восторженном почитании Некрасова революционной молодежью 70-х годов.

Говоря о содержании своей речи, Плеханов указывает, что прежде всего он подчеркивал революционное значение некрасовской поэзии. Огромной заслугой Некрасова Плеханов считал яркое изображение поэтом бедственного положения народа. Очень высоко ценил Плеханов и то, что Некрасов впервые в легальной русской печати воспел декабристов как предшественников революционного движения 70-х годов. В своих воспоминаниях Плеханов рассказывает также о горячем споре, разгоревшемся над раскрытой могилой поэта, о месте Некрасова в русской литературе. Молодой Плеханов был в числе тех представителей революционного народничества, кто, полемизируя с Достоевским, поставившим Некрасова вслед за Пушкиным и Лермонтовым, безоговорочно провозгласил Некрасова выше Пушкина.

В своих позднейших статьях Плеханов неоднократно подчеркивал, что подобная оценка Некрасова была типична для революционной интеллигенции 60—70-х годов. Например, в статье 1913 года «Чернышевский в Сибири» Плеханов приводит восторженный отзыв Н. Г. Чернышевского о Некрасове, заканчивающийся словами: «Я рыдаю о нем. Он, действительно, был человек очень высокого благородства души и человек великого ума. И как поэт он, конечно, выше всех русских поэтов». Отношение Чернышевского к Некрасову Плеханов считал «чрезвычайно характерным». Комментируя выше приведенные слова, он писал: «Что касается взгляда на Некрасова, как на величайшего из русских поэтов, то его разделяла в то время вся наша радикальная интеллигенция»⁴.

К народническому периоду относится и статья Плеханова 1878 года «Об чем спор?», напечатанная в журнале «Неделя». Статья посвящена полемике с Глебом Успенским, но в ней содержится косвенная характеристика Некрасова.

⁴ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. VI, ГИЗ, М.—Л., 1925, стр. 387—388 (Дальнейшие ссылки на это издание приводятся в тексте).

Поводом к написанию этой статьи послужили очерки Глеба Успенского «Из деревенского дневника», в которых писатель высмеивал славяное отношение к народу, идеализацию общины, «артельного духа» крестьян и т. п. Все симпатии молодого Плеханова, в ту пору правого народника, были на стороне тех, кто идеализировал крестьянство, и он с негодованием обрушился на Глеба Успенского. В качестве одного из видов оружия в полемике с писателем Плеханов язвительно использовал некрасовские стихи из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», которые он поставил эпиграфом в своей статье (X, 399):

Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по земле —
Не видят неба век!..

Таким образом, в пору народнических увлечений Плеханов чрезвычайно высоко оценивает Некрасова как поэта, видит в его творчестве ярчайшее выражение дум и чувств революционных народников, истолковывает его стихи с ортодоксально-народнических позиций, обращается за поддержкой к авторитету любимейшего поэта в полемике с инакомыслящими.

В марксистский период отношение Плеханова к Некрасову претерпевает значительные изменения, однако по-прежнему Некрасов остается одним из самых любимых его поэтов, на стихи которого он особенно часто ссылается в своих сочинениях и выступлениях. Л. И. Аксельрод, например, в своих воспоминаниях рассказывает о том громадном впечатлении, которое произвела на нее речь Плеханова, произнесенная в 1891 году в Цюрихе. Вспоминая, с каким недоверием шла она на выступление марксиста, которого, как и многие народники, считала человеком бездушным, глубоко равнодушным к судьбам народа, она говорит, что была потрясена, когда Плеханов, нарисовав страшную картину голода в России и разоблачая политику самодержавия, сослался на некрасовские стихи. «Холодный» марксист Плеханов, — говорит Л. И. Аксельрод, — который, по словам народников, рекомендовал «варить крестьянина в фабричном котле», довел некоторых слушателей до слез. Казалось, что вся толпа слилась в одно целое и что сердце этого слитного целого дрогнуло, когда оратор закончил один оборот речи словами поэта:

Не беда, что потерпит мужик,
Так ведущее нас провидение
Указало, да он же привык»⁵.

С некрасовскими цитатами мы встречаемся уже в первых марксистских работах Плеханова. Например, в программной работе «Наши разногласия», характеризуя жестокую реакцию

⁵ Л. И. Аксельрод (Ортодокс). Этюды и воспоминания. ГИЗ, Л., 1925, стр. 22.

в России 80-х годов, Плеханов, ссылаясь на запретное в то время некрасовское стихотворение «Смолкли честные, доблестно павшие»: «...наша легальная литература подвергается самому беспощадному гонению... в нашем отечестве в области мысли, как и во всех других сферах деятельности, «все живое, все честное косится» (II, 94)⁶.

Этот аспект — использование некрасовских стихов для образной характеристики различных явлений русской действительности — часто встречается в сочинениях Плеханова.

Приведем еще два примера.

В статье 1888 года о Глебе Успенском Плеханов, противопоставляя тип разночинца типу «либерала-идеалиста» дворянского происхождения, считает некрасовские стихи из «Медвежьей охоты»

Диалектик обаятельный,
Честен мыслью, сердцем чист,
Помню я твой взор мечтательный,
Либерал-идеалист.
Для действительности скованный,
Верхоглядом жил ты зря,
Ты бродил разочарованный,
Красоту боготворя...

яркой и точной характеристикой либералов 40-х годов (X, II).

Второй пример. В речи «В. Г. Белинский», произнесенной в 1898 году по поводу пятидесятилетия со дня смерти великого критика, Плеханов, подчеркивая огромное значение Белинского в развитии русской общественной мысли, снова ссылается на некрасовские стихи из «Медвежьей охоты», характеризующие критика:

В те дни, как все коснело на Руси,
Дремля и рабелепствуя позорно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно.

«Можно с полным правом сказать, — комментирует Плеханов эту цитату, — что в словах Некрасова нет никакого преувеличения» (X, 332).

Там же, говоря о том, что только смерть спасла «неистового Виссариона» от основательного знакомства с жандармами, Плеханов пишет: «Представляя себе сомнительное удовольствие этого знакомства, мы с тем большим чувством повторим, вслед за Некрасовым:

Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель, перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени».

Но особый интерес представляет для нас второй аспект привлечения Плехановым некрасовских стихов — в целях полемиче-

⁶ См. ссылку на это стихотворение также в предисловии Плеханова к сборнику «Первое мая 1891 года» (III, 206).

ки с идейными противниками марксизма. Здесь также можно привести большое число примеров. Ограничимся лишь некоторыми.

В 80—90-е годы основным идейным противником марксизма было народничество. Высмеивая утверждение народников о том, что ход исторического развития не поколебал крестьянскую общину, Плеханов в работе «Наши разногласия» саркастически восклицал: «...словом,

Века проходили, все к счастью стремилось,
Все в мире по несколько раз изменилось,

а русская община оставалась неизменной и неизменной» (II, 236).

В статье 1895 года «Пессимизм как отражение экономической действительности», убедительно показывая, что народники безнадежно отстали от жизни и экономическое развитие общества давно уже опередило развитие их мысли, Плеханов говорит (X, 161): «Вы люди лишние по собственной вине!

Покорись — о, ничтожное племя! —
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило нас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе.
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно;
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано!»

Цитатой из некрасовского стихотворения «Рыцарь на час» Плеханов как бы произносит народникам 90-х годов приговор истории.

В 900-е годы одной из важнейших задач социал-демократов была борьба с разного рода попытками ревизии марксизма. И снова в качестве одного из видов действенного оружия в этой борьбе Плеханов привлекает стихи поэта революционной демократии.

В статье 1901 года «Господин П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития» Плеханов, сокрушительно высмеивая русского ревизиониста, писал: «Если бы «критический опыт» г. П. Струве застал Маркса в живых и если бы автор «Капитала» дал себе труд ознакомиться с содержанием этого невероятного опыта, то ему оставалось бы развести в недоумении руками и воскликнуть, несколько изменяя слова героя в некрасовской поэме «Суд»:

Я в деле собственном моем,
Конечно, не судья; но в том,
Что критик мой сказал,
Своей я мысли не узнал.
Так пахарь был бы удивлен,
Когда бы рожь посеял он,

А уродилось бы зерно,
Ни рожь, ни гречо, ни пшено,
Ячень колочий — и притом
Наполовину с дурманом» (XI, 151).

Эпиграфом к другой статье 1901 года «Сарт против Канта или духовное завещание г. Бернштейна» Плеханов ставит строчку из стихотворения Некрасова «В деревне»: «Умер, Касьяновна, умер, болезная» (XI, 36), подчеркивая ею окончательный разрыв ярого немецкого ревизиониста с истинным марксизмом⁷.

Первую попытку подойти к оценке поэзии Некрасова с точки зрения интересов революционного пролетариата Плеханов сделал в статье 1885 года «Два слова читателям-рабочим». Нужно, однако, иметь в виду, что статья эта была опубликована только в 1928 году, так как издание сборника «Песни труда», предисловием к которому она должна была служить, не состоялось. В этой статье мы не найдем развернутых суждений о Некрасове, но ряд попутных замечаний о поэте представляет несомненный интерес.

Исследователи, говоря об этой ранней статье, обычно указывают на ошибки, содержащиеся в ней. Их, действительно, немало. Совершенно неожиданно, по сравнению с суждениями Плеханова народнического периода, утверждение о том, что Некрасов «не имел большого таланта»⁸, но к вопросу об оценке Плехановым эстетических достоинств некрасовской поэзии мы обратимся позднее.

Кроме того, в статье, проявилось неправомерное сужение эстетических интересов пролетариата, которому-де чужды многие мотивы в пушкинской и некрасовской поэзии. Так, в поэзии Некрасова Плеханов выделяет стихи, в которых отразилось чувство «вины перед народом», присущее демократической русской интеллигенции 60—80-х годов, и полагает, что поскольку у рабочих нет «невольной вины интеллигентных людей», им непонятны подобные мотивы. Все это побудило Плеханова выдвинуть тезис о том, что пролетариат должен создать свою особую поэзию. Это — ошибочные суждения, вдобавок выраженные в недостаточно еще продуманных формулировках. Однако права современная исследовательница, которая говорит, что подобные суждения не следует понимать слишком буквально и напоминает о необходимости учитывать, что «эти высказывания были продиктованы острой потребностью в новом, истинно социалистическом искусстве»⁹.

⁷ Нужно отметить, что позднее, когда Плеханов занял меньшевистские позиции, он использовал порой некрасовские цитаты в целях полемики с большевиками.

⁸ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 2, Гослитиздат, М., 1958, стр. 183.

⁹ Г. П. Семенова. Проблема идейности и художественности в эстетике Г. В. Плеханова. — «Вестник Ленинградского университета», 1963, № 8, серия истории, языка и литературы», стр. 71.

Что касается выраженных здесь мыслей Плеханова о Некрасове, то нас интересует прежде всего его общая оценка творчества поэта революционной демократии с точки зрения революционного пролетариата.

По-прежнему очень высоко оценивает Плеханов народолюбие Некрасова, яркое изображение им страданий трудящихся. Обращаясь к читателям-рабочим, Плеханов говорит в статье: «Стихотворения Некрасова, Гуда, Гейне, Морозова изображают ту печальную долю, которая тяготет теперь над рабочими всех полов, возрастов, национальностей. Собственный опыт подскажет вам, что прав был поэт, воскликнувший:

Волга, Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля»¹⁰.

Но особенно важно, что в этой статье делается одна из самых ранних попыток выдвинуть позитивную программу новой, пролетарской поэзии. Говоря о необходимости отражения в поэзии дум и чувств борющихся рабочих, Плеханов принципиальное отличие этой новой поэзии от предшествующей (т. е. и некрасовской) усматривает в ее ярко выраженном социальном оптимизме: «И не одно только горе, не одно только отчаяние найдет в ней свое выражение... Рядом с недовольством настоящим в вас будет расти вера в то великое будущее, которое открывается теперь перед рабочим классом всех цивилизованных стран. И эта вера также отразится в нашей поэзии; она-то и сделает ваши песни громкими, могучими и гордыми»¹¹.

Следовательно, несмотря на отдельные ошибочные и неточно выраженные мысли, содержащиеся в статье «Два слова читателям-рабочим», здесь намечается основной критерий Плеханова-марксиста в подходе к некрасовской поэзии: он оценивает ее прежде всего как социолог, исходящий из тех новых задач, которые выдвигал перед литературой приближающийся пролетарский этап освободительного движения.

Это точка зрения, которая лишь намечена в данной статье, будет положена в основу важнейшей работы Плеханова о Некрасове — его речи о поэте, произнесенной в Женеве 10 января 1903 года, в связи с 25-летней годовщиной со дня смерти поэта. Эту речь Плеханов затем обработал в статью, которая первоначально предназначалась для ленинской «Искры», но ввиду довольно большого объема была выпущена отдельной брошюрой¹².

¹⁰ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 2, Гослитиздат, М., 1958, стр. 185.

¹¹ Там же, стр. 184.

¹² См. письма В. И. Ленина Г. В. Плеханову от 28 января и 5 февраля 1903 года (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 261, 266) и письмо Г. В. Плеханова В. И. Ленину от 9 февраля 1903 года (Ленинский сборник, IV, стр. 219).

В работе о Некрасове, примыкающей к циклу статей о беллетристах-народниках, Плеханов развивает свою концепцию русской литературы XIX — начала XX веков. Тесно связывая литературу с общественным движением в стране, Плеханов намечает три главных этапа — дворянский, разночинский и пролетарский.

Некрасова, как известно, Плеханов называет «поэтическим выразителем целой эпохи нашего общественного развития», эпохи, которая «начинается выступлением на нашу историческую сцену образованного «разночинца» («интеллигентии») тожд и оканчивается появлением на этой сцене рабочего класса, пролетариата в настоящем смысле этого слова» (X, 379).

С творчеством Некрасова Плеханов связывал начало разночинского периода, поворотный момент в развитии русской литературы. «Он лучше чем кто-либо другой, — говорил Плеханов в конспекте своей речи о Некрасове, — характеризует знаменитый поворот в истории нашей поэзии»¹³.

Примечательно в этом плане, что в статье о Некрасове Плеханов преимущественно ссылается на раннее творчество поэта, тогда как в черновом конспекте он апеллировал прежде всего к поэме «Кому на Руси жить хорошо», а потом уже привлекал стихи 40-х годов.

Плеханов указывал здесь, что Некрасов «изображал дворянский быт с его отрицательной стороны», со стороны противоречия интересов дворян интересам крестьянина. Этот антагонизм изображен у него иногда с замечательным юмором в стихотворениях: «Кому живется весело», «Крестьянские афоризмы». См[отри]. И это направл[ен]е уже в том стихотвор[ен]ии, котор[ым] восхитился еще Белинский: «Родина»; см. книгу, 1-ый том. И не одно только дворянство изображается в таком неварчаном виде. Чиновничество: см. в «Кому жить на Руси». Как они делали следствие. Но еще раньше, в «Колыбельной песне»:

«Ты чиновник будешь с виду
И подлец душой,
Провожать тебя [я выйду
И махнул рукой]»¹⁴.

¹³ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, Соцэкгиз, М., 1938, стр. 233.

¹⁴ Там же. «Крестьянскими афоризмами» Плеханов называл меткие реплики крестьян в поэме «Кому на Руси жить хорошо», многие из них он поместил в принадлежащем ему двухтомнике стихотворений поэта. (Дом Плеханова. Д. 6299/2. Полн. собр. стихотворений Н. А. Некрасова в двух томах, т. 2, СПб., 1895, стр. 50, 52, 53, 133—134, 206, 222 и др.). По этому же изданию Плеханов ссылается на стих. «Родина». «Как они делали следствие» — имеется в виду обличение Некрасовым произвола чиновников в поэме «Кому на Руси жить хорошо» в эпизоде, где описывается следствие по поводу смерти Демушки, заеденного свиньями.

Из приведенного чернового отрывка видно, что в окончательном тексте статьи Плеханов ссылается на раннее творчество Некрасова, чтобы подчеркнуть начальный момент «поворота» в русской литературе.

Важнейшую задачу марксистской критики Плеханов видел в том, чтобы выяснить, какая именно сторона общественного (или классового) сознания выражается в разбираемом художественном произведении, в том, чтобы «найти то, что может быть названо социологическим эквивалентом данного литературного явления» (XIV, 183—184).

В статье о Некрасове определению «социологического» или, как еще говорил Плеханов, «общественного эквивалента» уделяется большое внимание.

Несмотря на дворянское происхождение, Некрасов, по Плеханову, смотрит на жизнь глазами «протестующего разночинца», для которого характерно резко отрицательное отношение не только к крепостному праву, но и ко всей «совокупности общественных отношений, выросших на почве закрепощения крестьянина» (X, 382—383).

То, что «народ становится главным героем его произведений» (X, 389) Плеханов считал исторической заслугой Некрасова. При этом особенно важно, подчеркивал Плеханов, что поэт изображает взаимоотношения между помещиками и крестьянами таким образом, чтобы ярче подчеркнуть «противоречие интересов «благородных» эксплуататоров с интересами эксплуатируемой «черни» (X, 382). В служении угнетенному народу, указывает Плеханов, Некрасов видит первую обязанность гражданина и выражает ее словами:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода —
Прежде всего!

Позднее, в статье 1910 года «Заметки публициста. Отсюда и досюда» Плеханов подчеркнет, что эти слова стали своего рода манифестом освободительного движения.

Таким образом, выясняя «общественный эквивалент» творчества Некрасова, подчеркивая, что поэт изображает жизнь с точки зрения протестующего разночинца, Плеханов в то же время полагал, что эта точка зрения отражала крестьянские интересы¹⁵. Это обстоятельство нужно особо подчеркнуть в связи с тем, что до сих пор широко распространен упрек Плеханову в том, что

¹⁵ Верные рассуждения о том, что понятия «социологический эквивалент», «общественный эквивалент» мыслились Плехановым широко, как выражение социального опыта нескольких сословий см. в работах П. Николаева 1) Методология литературной критики Г. В. Плеханова — «Вопросы литературы», 1966, № 11, стр. 178—180. 2) Существует ли «общественный эквивалент» литературы? (Г. Плеханов о двух актах литературной критики). — «Филологические науки», 1966, № 1, стр. 125—139.

он сузил социальную почву как творчества Некрасова, так и революционных демократов и беллетристов-народников, что он видел в них лишь выразителей стремлений разночинцев.

Подобный взгляд несостоятелен. Сам Плеханов не раз указывал, что не только Чернышевский, который приучил интеллигенцию, преимущественно разночинную, рассматривать социальный вопрос «с точки зрения интересов народа» (VI, 337), но и Герцен, Огарев и их кружок еще в 30-х годах XIX века переходят на точку зрения трудящейся массы, поскольку такая точка зрения свойственна «тогдашнему утопическому социализму» (XX, 128). Неоднократно отмечал Плеханов и то, что «народники стояли на точке зрения крестьянства» (XIX, 249), что «народничество было лишь особым сельским изданием мелкобуржуазного социализма» (III, 25). В статье о Глебе Успенском, усматривая главную историческую заслугу беллетристов-народников в отражении ими взглядов и стремлений разночинной интеллигенции — «того общественного слоя, который в течение трех десятилетий был самым передовым слоем России», Плеханов в то же время разъяснял, что в своих произведениях Глеб Успенский становится «на крестьянскую точку зрения» (X, 22). Высоко оценивая произведения беллетристов-народников, Плеханов указывал, что правдивым изображением народного быта эти писатели «в свое время умели послужить делу русского общественного развития» (X, 15). Однако в этой же статье еще в 1888 году он отмечал, что если изменятся русские общественные отношения, если явятся на русскую историческую сцену новые, более передовые слои и классы, тогда народническая беллетристика уступит место новым направлениям, и призывал писателей «прилечь к начинающемуся историческому движению», «стать на точку зрения интересов пролетариата» (X, 61).

Этот исторический аспект обусловил подход Плеханова к некрасовской поэзии в 1903 году. С появлением пролетариата на исторической арене, отмечает Плеханов, — «у нас началась новая эпоха, замечательная тем, что даже крестьянин не так неподвижен теперь, как он был при жизни Некрасова», а новые экономические отношения, переделывая нашу общественную среду, «заново переделывают также и наш народный характер» (X, 394). Поэтому, полагает Плеханов, поэтическим выразителем новой эпохи должен явиться новый поэт — поэт пролетариата¹⁶. Этот смысл он и вкладывает в предпосланный статье эпиграф: «Verschiedenen Zeitaltern wird eine verschiedene Begeisterung zu Teil».

Как и в статье «Два слова читателям-рабочим», существенное отличие поэта пролетариев от поэта разночинского этапа освободительного движения Плеханов усматривает в его ярко

¹⁶ Как видим, и здесь Плеханов в определении «социологического эквивалента» грядущего поэта пролетариев включает не только интересы собственно рабочего класса, но и крестьянства.

выраженном социальном оптимизме. Узнав и поняв пролетариев, посвятивших себя борьбе за освобождение своего класса и твердо убежденных в исторической неизбежности этого освобождения, поэт должен был бы создать в их честь, говорит здесь Плеханов, — «не «голодную» и не «соленую», а боевую, — русскую марсельезу, в которой по-прежнему слышались бы звуки «мести», но зато звуки «печали» заменились бы звуками радостной уверенности в победе» (X, 395).

Оценка некрасовской поэзии с точки зрения задач, выдвигаемых новым, пролетарским периодом освободительного движения, основной мыслью которого, как указывает Плеханов в другой статье, «является решительное и бесповоротное отрицание безропотности» (XIV, 93), во многом объясняет плехановскую трактовку изображения народа в поэзии Некрасова. Эта трактовка, как известно, вызывает резкие возражения некрасоведов. Дело в том, что, стремясь подчеркнуть прежде всего такие качества, которых недоставало Некрасову как выразителю разночинно-демократического этапа освободительного движения по сравнению с пролетарским этапом, Плеханов заострял мысль о том, что народ в изображении Некрасова «не умеет бороться и не сознает необходимости борьбы», что «главной отличительной чертой этого народа является «вечное терпение» (X, 389).

Этот вывод Плеханов подтверждает в статье анализом стихотворений «Ночь. Успели мы всем насладиться...», «На Волге», заключительной части «Железной дороги».

Особенно характерным Плеханов считал первое стихотворение, на него он многократно ссылаясь в своих сочинениях. В статье «О социальной демократии в России» он писал: «Наши западники 40-х годов, глубоко и горячо сочувствуя страданиям угнетенного и обездоленного народа, не видели в нем никаких задатков самостоятельного прогрессивного движения... У Белинского при всей его ненависти к современной ему действительности ни на минуту не возникала надежда на то, что народ сумеет освободить и просветить себя своими собственными усилиями».

В примечании Плеханов указывал: «Этот взгляд на народ получил чрезвычайно яркое выражение в стихотворном отрывке Н. А. Некрасова, относящемся к 1858 году: «Ночь. Успели мы всем насладиться...» Плеханов процитировал стихотворение целиком (IX, 13).

Другими словами, Плеханов считает, что сомнение в революционных возможностях современного Некрасову крестьянства побуждало порой поэта так изображать народ, чтобы вызвать к нему горячее сочувствие у образованных сословий, пробудить в них чувство «вины», «долга» перед народом ¹⁷.

¹⁷ См. современный анализ этого стихотворения в статье — М. М. Гин. «Проблема долга перед народом и поэзии Н. А. Некрасова». — «Русская литература», 1961, № 2, стр. 52.

Отношение Некрасова к крестьянству, указывал Плеханов, не было неизменным. В 60—70-е годы поэту уже не только не приходят в голову сомнения относительно будущности русского народа, но наоборот это будущее рисуется светлыми красками. Однако и в 70-е годы, по Плеханову, крестьянское восстание «представлялось Некрасову совершенно немыслимым» (X, 393).

Но Плеханов весьма отчетливо видел все отличие некрасовского изображения таких черт народа, как долготерпение, смирение, забитость от либерально-дворянского, либерально-буржуазного. Об этом свидетельствует ряд его статей. Например, в статье «Пролетарское движение и буржуазное искусство», характеризуя бронзовую группу бельгийского скульптора Бисбука, изображающую маленьких фабричных рабочих, Плеханов отмечает, что «бронза превосходно» поет «в них поэму бедности», и сопоставляет ее в этом плане с некрасовским стихотворением «Ночь. Успели мы всем насладиться...» «Правда, от подростков-рабочих трудно и ждать <...> сознательного протеста, — указывает далее Плеханов, — но дело в том, что протеста, вообще, нет в лиризме этих художников» (XIV, 92).

Однако в отношении к изображаемому кроется, по мысли Плеханова, главное. Протеста нет в лиризме буржуазных художников, ограничивающихся лишь состраданием к униженным. И, наоборот, протестом переполнена «муза мести и печали» Некрасова, которую еще в 1897 году Плеханов называл «музой борьбы» (VI, 254).

Отмечая, что долготерпение является главной чертой крестьянства в изображении Некрасова, Плеханов отнюдь не упрекал поэта в искажении народного характера. Наоборот, он считал, что поэт исторически достоверно отразил факт неподготовленности крестьянства в 50—70-х годах к революции. Не пытался Плеханов тем самым приглушить революционное звучание некрасовской поэзии, в чем его упрекали некоторые исследователи. Неоднократно называл Плеханов некрасовскую поэзию революционной, приводил яркие примеры революционизирующего воздействия ее на молодое поколение.

В образе гражданина из стихотворения «Поэт и гражданин» он видел родоначальника революционеров 70-х годов, родоначальника тех «бунтарей» и «террористов», которыми прославилось революционное народничество ¹⁸. Некрасов прославлял самоотверженность революционеров, подчеркивал Плеханов, и выражал убежденность в том, что народное восстание не испугало бы поэта «своими так называемыми ужасами» (X, 392).

Указывая, что поэт трагически переживал отсутствие революционности в крестьянстве, которое «надрывало сердце Некрасова своими стонами и доводило его до отчаяния своим долготерпе-

¹⁸ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 234.

нием» (X, 394), Плеханов особенно высоко ценил вопрос поэта, обращенный к народу:

Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?

Плеханов рассматривал эти стихи как выражение протеста Некрасова против консерватизма народа. В статье «В. Белинский и В. Майков» выдающийся русский марксист ставил в упрек Майкову то, что ему не приходил в голову вопрос, подобный некрасовскому. (XXIII, 253).

Однако, сосредоточив все внимание только на долготерпении в некрасовском изображении народа, Плеханов прошел мимо тех эпизодов, в которых поэт говорил «о мужицкой расправе, о мести».

Разумеется, нельзя забывать, что Плеханов пользовался дореволюционными изданиями Некрасова, из которых почти полностью были исключены подобные моменты. Но, как свидетельствуют пометы Плеханова на принадлежавшем ему двухтомнике стихотворений поэта, и немногие сохранившиеся в подцензурном издании стихи, изображавшие проявления мужицкого бунтарства, как правило, не привлекали внимания критика¹⁹.

Какой же вывод следует из всего сказанного? Бесспорно, Плеханов был прав, подчеркивая, что Некрасов ясно видел неподготовленность крестьян к революции и с великой болью отразил это в своем творчестве. Это обстоятельство часто упускалось некрасоведами. Но также бесспорно, и это давно доказано советскими исследователями, что Плеханов односторонне представил отношение поэта революционной демократии к крестьянству, что он явно недооценил его веры в силы народные. Эта односторонность сказалась и в плехановских суждениях об одном из центральных крестьянских образов некрасовской поэзии — образе Савелия из поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Ссылаясь в статье о Некрасове на то, что «экономическая основа русского царизма — прикрепление крестьян к земле», похожая, «как две капли воды <...> на тот экономический фундамент, на котором покоились деспотии древнего Востока», в результате чего «нравы и взгляды русского народа тоже имели очень заметный восточный оттенок», Плеханов делает вывод, что «святорусский богатырь» Савелий — типичный крестьянин Востока». (X, 393).

Крупнейший исследователь творчества Некрасова В. Е. Евгеньев-Максимов, горячо полемизируя с точкой зрения Плеханова, писал: «Знакомясь с этими суждениями Плеханова, испытываешь чувство крайнего изумления. Невольно возникает вопрос, да читал ли Плеханов «Кому на Руси жить хорошо»? Даже при поверхностном знакомстве с образом Савелия ясно, что он ничего

общего не имеет с «типичным крестьянином Востока». Ведь это по его инициативе и при его непосредственном участии корежинские крестьяне ненавистного барского управителя «немца Фогеля, Христиана Христьяныча», живым в землю закопали; ведь это он, проведя 20 лет в Сибири, а затем 20 лет на поселении, вернулся на родину не сломленным, не примирившимся. «Клейменный, а не раб!» — говорит он о себе со справедливой гордостью. На все это Плеханов, обуреваемый стремлением увидеть в некрасовском мужике один «рабский образ», закрывает глаза»²⁰.

В возражениях В. Е. Евгеньева-Максимова содержится большая доля истины. Безусловно, в односторонней трактовке некрасовского изображения народа сказалась присущая Плеханову общая недооценка крестьянства.

Но нужно иметь в виду и другое. Плеханов в своей статье не ставил цели дать обобщенную оценку образа Савелия. Он дал лишь истолкование одного из эпизодов поэмы, связанных с Савелием. После вывода о том, что Савелий — типичный крестьянин Востока, Плеханов так продолжает свою мысль: «Читая его рассказ о том, как его родная «Корежина» уклонилась от платежа оброка своему помещику Шалашникову невольно вспоминаешь «Manners and Customs of ancient Egyptians» Уилькинсона». (X, 393).

Позднее, во введении к книге «История русской общественной мысли в России» Плеханов дал более обстоятельное толкование этой своей мысли. «Когда сам крестьянин является принадлежащим государству средством производства, тогда его нельзя наказывать, лишив его части имущества или свободы: у него нет ни того, ни другой», — отмечает здесь критик. На почве таких отношений, характерных не только для периода крепостного права в России, но и для других восточных деспотий, указывает он далее, — «возникали своеобразные нравы, главная отличительная черта которых заключалась в том, что поработанный государством крестьянин иногда избегал платить подати даже и в том случае, если не вполне был лишен материальной возможности сделать это, предпочитая расплату спиной расплате трудом, продуктами и деньгами. Некрасовский «святорусский богатырь» Савелий («Кому на Руси жить хорошо») — типичный представитель таких нравов» (XX, 73—74). С подобным толкованием одного из эпизодов поэмы «Кому на Руси жить хорошо» трудно не согласиться. Дело однако в том, что лаконичное суждение о Савелии как о «типичном крестьянине Востока», звучащее в контексте статьи Плеханова о Некрасове как синоним косности, естественно, представлялось несправедливым и вызывало протест советских некрасоведов.

¹⁹ См. подробнее об этом в нашей статье «Плеханов — читатель Некрасова» («Русская литература», 1967, № 4, стр. 151—153).

²⁰ В. Е. Евгеньев-Максимов. Некрасов в критике XIX в. и XX в. В кн.: Н. А. Некрасов (1878—1938). Сб. статей и материалов. Л., 1938, стр. 279—280.

Однако из того факта, что Плеханов недооценивал веру Некрасова в народ, неправильно было бы сделать вывод, что он вообще отрицал эту веру. Во всяком случае, весьма любопытны плехановские суждения, в которых он упрекает поэта за излишний оптимизм в изображении пути народа к светлому будущему. Во второй книге «Истории русской общественной мысли» Плеханов замечает: «Некрасов слишком оптимистически представлял себе положение дел на нашей родине, когда писал в своем стихотворении «Школьник»:

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных, то и знай...

Что русская «природа» отнюдь не бездарна, об этом нечего и говорить. Но, к сожалению, даровитые люди из русской народной среды слишком часто лишены были возможности развить свои духовные силы и сделаться «славными» (XXI, 138). В черновых набросках Плеханов еще обстоятельнее комментирует выше приведенное четверостишие: «Поэту «мести и печали», горячо любившему русский народ, судьба Ломоносова и других более или менее крупных выходцев из народной среды представлялась ручательством за светлое будущее России <...> Но нельзя не заметить, что Некрасов, увлекшись своей мечтой о светлом будущем России, неправильно изобразил как довольно легкий <...> путь к просвещению»²¹.

В плехановском анализе стихотворения «Школьник» примечательны по крайней мере два момента. Во-первых, из этих высказываний критика видно, что веру Некрасова в светлое будущее народа он связывал не только с произведениями поэта 60—70-х годов, но и со стихами середины 50-х годов. Это вносит известный корректив в статью 1903 года о Некрасове. Во-вторых, высоко ценя то обстоятельство, что поэт трагически переживал отсутствие революционности в крестьянстве и горячо упрекал его в долготерпении, Плеханов усматривал в этой позиции политический радикализм Некрасова. И, наоборот, чрезмерное увлечение верой в силы народа порой приводит Некрасова, по мнению выдающегося русского марксиста, к облегченному изображению пути народа к светлому будущему, сглаживает вопрос о необходимости революционного переустройства общества. В подобном отношении к Некрасову одна из причин полемически односторонней плехановской трактовки образа народа в творчестве поэта, в этом же суть его полемики с идеализацией некрасовского отношения к крестьянству либеральными народниками, но об этом мы скажем ниже.

Говоря о плехановской трактовке изображения народа Некрасовым, необходимо остановиться также на его суждениях в статье «К психологии рабочего движения», где он анализирует некрасовское стихотворение «В деревне». «Когда-то покойный Некрасов, — говорит здесь Плеханов, — изобразив в одном из своих стихотворений старуху-крестьянку, оплакивающую смерть своего сына, заставил ее причитать:

Кто, как износится шубонька теплая,
Зайчиков новых набьет?»²²

Потом старуха со слезами вспоминает о своем сыне, говоря о том, что у нее вся развалилась изба, и т. д.». Возражая тем критикам, которые по поводу этого стихотворения упрекали поэта в клевете на народ, в огрублении его чувств, Плеханов указывал, что некрасовский способ изображения горя матери-крестьянки только на первый взгляд представляется грубо «материалистичным»: старуха оплакивает как будто не столько смерть сына, сколько утрату возможности получить новую «шубоньку». Все дело однако в том, разъяснял Плеханов, что поэт «мести и печали», глубоко понимавший крестьянскую психологию, прекрасно знал, что «горе, вызываемое утратой любимого существа, отнюдь не перестает быть глубоким оттого, что представление о такой утрате сочетается с представлениями, относящимися к так называемым материальным потребностям. Некрасовская старуха вспоминает о зайчиках и о развалившейся избе не потому, что удовлетворение ее материальных потребностей дороже для нее, нежели сыновья любовь, а потому, что сыновья любовь, — которая, вероятно, была ей дороже всего на свете, — проявлялась в заботах сына об удовлетворении материальных потребностей матери». (XXIV, 270—272).

Следовательно, отмечая реалистическую достоверность изображения Некрасовым чувств крестьянки, Плеханов строго аргументированно защищал память поэта от обвинений в искажении народной психологии. Высоко ценя реализм и правдивость Некрасова, Плеханов самым решительным образом отводил от поэта всякого рода упреки в тенденциозности, понимаемой как искажение действительности в угоду предвзятой идее. «Такой тенденциозности в поэзии Некрасова совсем не было», — указывал Плеханов в своей статье о Некрасове. (X, 378—379). Там же, сопоставляя Некрасова с Гоголем, Плеханов отмечал, что мысль последнего «мало останавливалась на психологии «крещеной собственности» (X, 381). И, наоборот, глубокое проникновение в народную психологию — великая заслуга поэта «мести и печали» с точки зрения выдающегося русского марксиста. Это обстоятельство нужно тем более подчеркнуть, что плехановские сужде-

²¹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 301—302.

²² Плеханов приводит цитату по памяти. У Некрасова: «Кто, как износится теплая шубонька...»

ния все еще игнорируются даже в самых последних работах о Некрасове. Так, например, в недавно вышедшей серьезной и обстоятельной книге о творческом методе Некрасова исследователь усмотрел в стихотворении «В деревне» всего лишь «зарисовку сцены из крестьянской жизни» и так прокомментировал его: «Старая крестьянка у колодца рассказывает о постигшем ее горе — смерти единственного сына, опоры и кормильца. Горе ее огромно и безысходно. Тонкости психологического анализа здесь не нужны, ибо чувства героини слишком ясны. Она выражает их словами: «Душенька ноет, болит». Анализ стихотворения исследователь заключает выводом: «Стихотворение знакомит нас не с особенностями и своеобразием чувств и мыслей героини, а с ее положением, долей, участью, то есть со всем тем, что определяет ее переживания»²³. Это ошибочный вывод. Гораздо проникательнее, как мы видели, проанализировал стихотворение Плеханов, усмотрев изображение горя крестьянки не только в словах: «Душенька ноет, болит», но и во всей совокупности ее причитаний, в которых он увидел своеобразие некрасовского способа изображения чувств героини. Следовательно, не только знакомство с долей и участью крестьянки, но именно изображение особенностей и своеобразия чувств народа, глубочайшее проникновение в его психологию составляет, по Плеханову, суть стихотворения Некрасова.

Таким образом, внимательный учет плехановских высказываний о поэте революционной демократии помогает освещению одного из наименее изученных вопросов некрасовского творчества — особенностей его психологического метода.

Широко связывая поэзию Некрасова с разночинским этапом освободительного движения в России, Плеханов делает частые сопоставления взглядов Некрасова с позицией Чернышевского и Добролюбова. Так, например, в статье «Н. Г. Чернышевский и его время» Плеханов говорит: «За Некрасовым и Панаевым навсегда останется та огромная заслуга, что они не сторонились, как это делали многие другие «друзья Белинского», от людей, продолжавших его дело» (V, 75).

В работе 1912 года «Искусство и общественная жизнь», подчеркивая общность эстетических взглядов Чернышевского, Добролюбова и Некрасова, Плеханов писал: «В глазах Чернышевского и его ученика Добролюбова главное значение искусства и заключалось в воспроизведении жизни и в произнесении приговора над ее явлениями». Так смотрели на задачи искусства не только теоретики искусства и литературные критики, но и Некрасов, который, отмечает Плеханов, недаром называл свою музу «музой мести и печали». Ссылаясь далее на слова гражданина о назначении поэзии из стихотворения «Поэт и гражданин», Плеха-

нов подчеркивал, что тем самым «Некрасов высказал свое собственное понимание задачи искусства» — «быть «гражданами», служа искусству», произносить своими произведениями «приговор над явлениями жизни» (XIV, 121—122).

В более ранней статье «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского» Плеханов также указывал, что некрасовская «муза борьбы», воспевавшая

Необузданную, дикую
К лютости подлости вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду

в наибольшей степени соответствовала взглядам и вкусам революционных просветителей 60-х годов, что напевы некрасовской музыки они «готовы были слушать с восторгом» (VI, 254).

Во многих отношениях сближал Плеханов поэзию Некрасова с творчеством беллетристов-народников. Близость между ними он усматривал прежде всего в содержании. Если историческую заслугу Некрасова перед русской литературой Плеханов видел в том, что народ стал главным героем его поэзии, то, говоря о творчестве Г. Успенского 70—80-х годов, он также подчеркивал, что писатель сделал «крестьянина главным героем своих произведений» (X, 17). Произведения беллетристов-народников Плеханов высоко ценил за то, что они создали «глубоко правдивое литературное направление», за то, что их реализм «согрет чувством, проникнут мыслью» (X, 15). Эти же особенности, как мы видели, он выделял и в поэзии Некрасова.

Обязательной задачей материалистической литературной критики, по Плеханову, является не только уяснение «общественного эквивалента», но и «оценка эстетических достоинств разбираемого произведения, ибо «особенности художественного творчества всякой данной эпохи всегда находятся в самой тесной причинной связи с тем общественным настроением, которое в нем выражается» (XIV, 189). Считая важнейшей особенностью литературы разночинского периода преобладание общественных интересов над чисто художественными, Плеханов видел своеобразие произведений беллетристов-народников в сочетании «образов и публицистики». За вторжение публицистического начала в художественную ткань Плеханов упрекал и Некрасова. Признавая, например, стихотворение «Размышления у парадного подъезда» одним «из самых знаменитых и, по-своему, самых замечательных его произведений», Плеханов в то же время в гневной инвективе поэта, обращенной к владельцу роскошных палат, усмотрел всего лишь «красноречивую прозу», которая «портит стихотворение» и была бы «гораздо уместнее в статье или — еще лучше — в речи» (X, 378). Без сомнения, Плеханов здесь глубоко ошибался, это справедливо отмечено советскими литературоведами. В этом и некоторых других случаях Плеханов слишком буквально следовал мысли Белинского об искусстве как мышлении в образах и

²³ М. М. Гинн. О своеобразии реализма Н. А. Некрасова. Петрозаводск, 1966, стр. 47—48.

готов был порой осудить как нехудожественное всякое, не данное непосредственно в пластической картине излишние чувств, даже столь высоко талантливое, как в стихотворении «Размышления у парадного подъезда».

Однако Плеханов по-разному объяснял вторжение публицистического начала в произведения Некрасова и писателей-народников. Если публицистические рассуждения Глеба Успенского, Каролина и других он объяснял, как правило, их специфически народническими иллюзиями в оценке русской действительности, иллюзиями, которым противоречит правда художественных образов, то по отношению к Некрасову подобного рода упреков мы нигде не найдем у выдающегося русского марксиста.

Не усматривая у поэта крестьянской демократии противоречий между мировоззрением и художественным методом, Плеханов выдвигает иное объяснение: «Поэтический талант Некрасова был недостаточно силен и — это, может быть, главное — недостаточно пластичен» (X, 378).

Но необходимо отметить, что Плеханов был не вполне последователен в оценке эстетических достоинств некрасовской поэзии. Не говоря уже о его оценках народнического периода, у него были весьма существенные колебания даже в 1903 году, в период работы над речью о Некрасове. Например, в черновом конспекте, как же упрекая поэта в недостатке образности, критик в то же время писал: «И несмотря на это у него был большой талант, и он занимает очень видное место в истории нашей поэзии»²⁴. Следовательно, амплитуда колебаний в оценке таланта Некрасова у Плеханова велика.

Если первоначально он утверждал: несмотря на ряд недостатков у Некрасова был большой поэтический талант, то в окончательном варианте получилось наоборот: несмотря на отсутствие большого таланта у Некрасова немало истинно художественных стихов. Эта мысль со всей отчетливостью выражена в статье 1903 года. Горячо возражая Л. Толстому, несправедливо отозвавшемуся о поэте, Плеханов писал: «Сказать, что Некрасов совершенно лишен поэтического дара, значит, высказать мысль, ошибочность которой вполне очевидна. Хотя почти каждое стихотворение Некрасова в целом отличается — как я уже указывал — более или менее значительными погрешностями против требований строгого эстетического вкуса, но зато во многих из них можно найти места, ярко отмеченные печатью самого несомненного таланта», а в примечании указывал, что имеются у поэта и вполне безукоризненные вещи, как например, знаменитое стихотворение «Дядя Влас»²⁵. Многократно восторгался Плеханов отдельными некрасовскими произведениями и отрывками. «Рукою истинного

²⁴ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 233.

²⁵ Впрочем, в статье «Похороны Некрасова» Плеханов усматривает художественные погрешности и в этом стихотворении (Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. II, Гослитиздат, М., 1958, стр. 207).

художника», по Плеханову, написана заключительная часть «Железной дороги», которую он высоко ценил за яркую пластичность изображенной картины. Плеханов даже недоумевает, как замечательный мастер Л. Толстой мог пройти мимо подобных стихов. «Прекрасным» неоднократно называет Плеханов стихотворение «Смолкли честные, доблестно павшие». В одной из статей начала 900-х годов, приведя цитату из некрасовского стихотворения «Газетная»:

Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей

Плеханов замечает, что поэт выразил мысль «прекрасными словами» (XIII, 82). Количество подобных примеров можно было бы увеличить. Да уже тот факт, что Плеханов, этот строгий ценитель художественности, так часто использовал некрасовские стихи в своих сочинениях, красноречиво говорит сам за себя.

Кроме того, необходимо учитывать и то обстоятельство, что признавая, хотя и с существенными оговорками, талант Некрасова, показывая истинную художественность многих его стихов, Плеханов тем самым вступал в полемику с резко отрицательными оценками Некрасова как поэта не только Л. Толстым, но и Тургеневым, Фетом, П. И. Чайковским и некоторыми другими высоко авторитетными деятелями русской культуры, не говоря уже об эстетствующей и реакционной критике, начисто отрицавшей талант поэта крестьянской демократии. Как в отношении беллетристов-народников, так и в отношении Некрасова, полемизируя с теми, кто выводил их произведения за пределы настоящего искусства, Плеханов стремился показать особый характер их художественности, ту «смесь образов и публицистики», в которой он усматривал одно из характерных проявлений господствующего общественного настроения разночинского этапа освободительного движения.

Однако бесспорно, что в целом Плеханов не сумел понять природы поэтического новаторства Некрасова, судил о его стихах, как он сам отмечал, с позиций эстетических преданий 40-х годов. Кроме того, невозможно отрицать явного налета аристократизма в эстетических вкусах Плеханова, которому порой претил «мужицкий демократизм» некрасовской поэзии. Этим во многом объясняются упреки поэту в «антиэстетических погрешностях», в шероховатости, неблагозвучности и даже «топорности» его стиха. Что касается последнего упрека, являющегося каламбурной интерпретацией отзыва Белинского о Некрасове («Что за талант у этого человека и что за топор его талант!»), то, по нашему мнению, Плеханов здесь, отчасти искажая мысль великого критика²⁶, в то же время не соглашается, полемизирует с ним:

²⁶ Прав К. И. Чуковский, тонко подметивший, что если бы в отзыве Белинского содержалась «эстетическая хула» на Некрасова, он должен был бы написать так: «Что за талант у этого человека, но что за топор его талант!» (К. И. Чуковский. Мастерство Некрасова. М., 1952, стр. 164).

ведь Плеханов отмечает, что слова Белинского являются «восторженной похвалой», сам же он заявляет, что Некрасов лишен был большого таланта. Сказанное лишней раз подтверждает справедливость мнения советских литературоведов, что, недооценив талант Некрасова, Плеханов тем самым сделал шаг назад по сравнению с революционно-демократической критикой.

Заслуга в раскрытии природы поэтического новаторства Некрасова в марксистской критике принадлежит, как известно, не Плеханову, а Луначарскому, опиравшемуся на суждения Чернышевского.

Однако, несмотря на ряд ошибочных положений, содержащихся в работе Плеханова о Некрасове, значение ее для советского некрасоведения очень велико, так как эта статья явилась первым опытом развернутой оценки поэта крестьянской демократии с марксистских позиций.

Значение этой статьи, как и ряда отдельных высказываний Плеханова о Некрасове, со всей очевидностью проясняется в исторической перспективе, при сопоставлении с оценками современной ему критики. Здесь в первую очередь нужно иметь в виду легальную народническую критику 90-х и начала 900-х годов, которая связывала поэзию Некрасова с сугубо народнической идеологией и судила о творчестве поэта чаще всего с субъективистско-нравственных позиций. В этом отношении особенно показателен очерк-воспоминания о Некрасове Н. К. Михайловского, самого влиятельного и авторитетного народнического критика. Этот очерк был первоначально опубликован в 1891 году и затем неоднократно перепечатывался в ряде книг критика. Правда, необходимо иметь в виду, что Михайловский здесь не ставил перед собой задачи дать обстоятельную оценку некрасовского творчества. Преимущественное внимание он сосредотачивает на нравственном облике Некрасова-человека, однако он делает ряд попутных замечаний и собственно о поэзии его, и о той роли, которую он сыграл в истории русской литературы.

Особенно высоко Михайловский оценивал роль Некрасова как журналиста. Указывая на необычайно трудные условия существования прогрессивного журнала во времена Некрасова, Михайловский писал в своем очерке: «...Тогда нужна была необыкновенная изворотливость, чтобы провести корабль среди бесчисленных подводных и надводных скал. И Некрасов вел его, провозя на нем груз высокохудожественных произведений, составляющих ныне общепризнанную гордость литературы, и светлых мыслей, постепенно ставших всеобщим достоянием и частью вошедших в самую жизнь. В этом состоит его незабвенная заслуга, цена которой, быть может, даже превосходит цену его собственной поэзии»²⁷. В последних словах критика имеется привкус из-

вестной недооценки некрасовской поэзии. Хотя нужно отметить, что Михайловский в общем-то высоко оценивал талант Некрасова. В очерке он утверждает, что талант Некрасова, как и Салтыкова-Щедрина, был «велик и яростен», что его поэзия явится «достоянием даже отдаленного будущего»²⁸.

Но основной пафос очерка Михайловского составляет стремление к моральной реабилитации Некрасова-поэта, утверждение: «мыслью Некрасов несомненно искренно страдал за всех обездоленных, за всех неправо униженных и оскорбленных, и именно в силу этой искренности «весь мир сильнее любить вам хочется, стихи его читая»²⁹. Подобный подход к Некрасову-поэту во многом был оправдан непрекращавшимися и после смерти поэта обвинениями его в неискренности, в том, что он «из выгоды», «из расчета» посвящал свои произведения народу. (В очерке Михайловский сокрушительно высмеивает клеветническую статейку «Развенчанный Некрасов», опубликованную в 1891 году в газете «Московские Ведомости»). Однако бесспорно, что подобный субъективистско-нравственный критерий не давал возможности научно определить значение творчества Некрасова как в русской литературе, так и в истории освободительного движения. Кроме того, подобный акцент в очерке Михайловского невозможно объяснить только жанром воспоминаний, ибо субъективистско-нравственное начало играло, как известно, решающую роль в эклектическом мировоззрении народников, и во многих литературно-критических работах Михайловский объяснял ведущие черты творчества писателя преимущественно своеобразием его личности, особенностями его психологического склада. (Напомним, например, статью о Достоевском «Жестокый талант», суждения критика о Глебе Успенском, Лермонтове и некоторых других писателях).

Однако нужно отметить, что отдельные высказывания Михайловского о Некрасове, особенно относящиеся к периоду его сотрудничества в «Отечественных Записках», перекликаются с плехановскими суждениями. Например, в полемике с Достоевским, прославлявшим терпение и смирение русского народа, Михайловский ссылался на некрасовское стихотворение «На Волге». В вопросе поэта, обращенном к бурлаку:

Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?

Михайловский, как позже и Плеханов, увидел «протест против страдания бурлака и, может быть, протест против отсутствия протеста с его стороны»³⁰.

Общие моменты имеются у них и в периодизации русской литературы. Михайловский, как и Плеханов, связывал новый этап

²⁸ Там же, стлб. 53—54.

²⁹ Там же, стлб. 66.

³⁰ «Отечественные записки», 1873, № 2, отд. II, стр. 336.

²⁷ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. VII, СПб., 1900, стлб. 77—78.

в русской общественной мысли и литературе с приходом разночинца. Но здесь же выступает их принципиальное отличие в определении «социологического эквивалента» некрасовской поэзии. Если Михайловский видел в Некрасове «кающегося дворянина»³¹, выдвигая на первый план моральный фактор — «тяжкую работу совести», то Плеханов, оценивая поэзию Некрасова с историко-материалистических позиций, видел в нем поэтического выразителя разночинского этапа освободительного движения в России.

Более обстоятельно, чем Михайловский, характеризует некрасовскую поэзию другой известный критик-народник А. М. Скабичевский. Его взгляд на Некрасова представляет тем больший интерес, что в Доме Плеханова сохранились два издания «Истории новейшей русской литературы» А. М. Скабичевского (издания 1891 и 1900 гг.), причем в обеих книгах в разделах, посвященных Некрасову, имеются пометы Плеханова.

Скабичевский делит творчество Некрасова на два основных периода. Первый период — 40—50-е годы, когда у поэта преобладал «рефлексивный дух», «отрицательно-пессимистическое отношение ко всему окружающему, в том числе и к народу», а сам он был «скорбным поэтом интеллигентного меньшинства». С этим рефлексивным элементом народнический критик связывал и некрасовское определение своей музыки как «музы мести и печали».

Стремясь затушевать обличительный характер некрасовского творчества, Скабичевский возражал против взгляда на Некрасова как на сатирика, как на русского Ювенала. Несомненно, здесь проявилось то характерное для либеральных народников стремление смягчить революционное звучание произведений крестьянских демократов, в котором Плеханов не раз упрекал критиков «Русского богатства»³².

Принимая поэзию Некрасова 40—50-х годов, видя в ней главным образом проявления «дворянской «хандры», «тяжких укоров проснувшейся совести», бессилия «загладить вины отцов», Скабичевский всячески возвеличивает творчество поэта 60—70-х годов, когда, по его мнению, преобладающим у Некрасова становится «разночинно-народный элемент» и когда он «обратился в общенародного певца в самом обширном и глубоком смысле этого слова»³³. Насколько, однако, расплывчатый и неопределенный смысл вкладывал народнический критик в это определение, как за громкими фразами выхолащивался боевой, революцион-

ный дух некрасовской поэзии, показывает, например, такая фраза. Некрасов по мнению Скабичевского, является «отнюдь не певцом какого-либо сословия, партии, кружка, а одним из тех собирательных лириков, которые отражают в своих произведениях думы целого века своей родной земли, которые выплакивают в своих звуках слезы всех своих современников и соплеменников». Неслучайно эта характеристика привлекла внимание Плеханова и он отчеркнул ее на полях³⁴.

На фоне подобной либерально-бесцветных оценок особое значение приобретает четкое выяснение Плехановым «общественного эквивалента» некрасовской поэзии.

Примечательно также стремление Плеханова в противовес неоправданному контрастному противопоставлению творчества Некрасова 40—50-х и 60—70-х годов подчеркнуть, что уже в 40-е годы в творчестве Некрасова обозначились важнейшие, определяющие его поэзию качества. Это положение Плеханова, как известно, принято советским некрасоведением. В этой связи напомним, что и Н. Г. Чернышевский резко возражал против такого противопоставления Скабичевским двух периодов в некрасовском творчестве³⁵.

Плеханов в своей резко отрицательной рецензии на «Историю новейшей русской литературы» Скабичевского указывает, что главная причина неудачи критика состоит в том, что он судит о явлениях русской литературы с либерально-народнических позиций, пропитанных духом «самодовольного, мелко-мещанского демократизма» (X, 313).

Этот «самодовольный» или, как еще выражался Плеханов, «благонамеренный» демократизм Скабичевского явственно проступает и в его характеристике некрасовского отношения к крестьянству. Скабичевский полагал, что в таких крупнейших произведениях Некрасова, как «Мороз, Красный нос», «Коробейники», «Кому на Руси жить хорошо» нет «и тени чего-либо отрицательного, обличительного, пессимистического. Напротив того, — продолжает критик, — народ рисует здесь как могучий богатырь, который своим своим непреклонным терпением в многовековых страданиях возбуждает в поэте восторженное обаяние и ободряющую веру в его великое будущее». Эти слова отчеркнуты Плехановым³⁶. Без сомнения, подчеркивая, что крестьянство своими стонами «надрывало сердце Некрасова», что долготерпение народа вызывало его протест, а отнюдь не «восторженное обаяние и ободряющую веру», Плеханов полемически заострял свою трактовку образа народа в некрасовской поэзии про-

³¹ См. подробнее об этом в статье М. М. Гина «Кающиеся дворяне» или «покаянные настроения?». — В кн.: Вопросы литературы. Сб. статей. Петрозаводск, 1962, стр. 70—77.

³² См., например, речь Плеханова 1898 года о В. Г. Белинском, в которой он упрекает Венгерова в желании «стереть яркие краски с образа нашего великого писателя». (X, 326).

³³ А. М. Скабичевский. История новейшей русской литературы 1848—1890 гг., СПб., 1891, стр. 474.

³⁴ Дом Плеханова. Д. 6211а. История новейшей русской литературы 1848—1890 гг. А. М. Скабичевского, СПб., 1891, стр. 463.

³⁵ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 1, ГИХЛ, М., 1939, стр. 744—750.

³⁶ Дом Плеханова. Д. 6211. История новейшей русской литературы 1848—1892 гг. А. М. Скабичевского, изд. 4, СПб., 1900, стр. 439.

тив либерально-народнической. В той же рецензии Плеханов язвительно высмеял упрек Скабичевского, адресованный Чернышевскому за его сочувственный отзыв о рассказах Николая Успенского, в которых народнический критик усмотрел лишь плод «смехотворно-отрицательного» отношения к народу. В зашифрованной форме, поскольку рецензия была напечатана в подцензурном издании, Плеханов показал, что одобрение Чернышевским рассказов Николая Успенского означало революционный характер требований, предъявляемых великим просветителем к крестьянству. (X, 312).

Таким образом, в противовес расплывчатым либерально-народническим оценкам Некрасова, в противовес суждениям о его поэзии с субъективистско-правственных позиций, Плеханов показал революционный характер некрасовского творчества, глубоко обосновал мысль о тесной связи его поэзии с разночинско-демократическим этапом освободительного движения, правильно выяснил «общественный эквивалент» некрасовской поэзии.

Тем самым Плеханов заложил основы подлинно научного марксистского изучения Некрасова и во многом определил наше современное истолкование его как поэта революционной демократии.

Бесспорно, нельзя упускать из виду и ошибочных суждений Плеханова, преодоленных советским литературоведением. Но, давая общую оценку плехановского вклада в марксистское некрасоведение, нужно исходить прежде всего из указаний В. И. Ленина, говорившего, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками»³⁷.

---

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 178.